

бросить, казались потрясательницами основ. Не только в те уже совсем далекие времена, когда Анна Каренина бросала сына (и мужа, и все остальное) ради любви. А мать Даниэля Деронда из романа Джордж Элиот бросала сына (и мужа, и все остальное) вроде бы ради оперной сцены, но по-настоящему ради свободы. Тогда — и говорить нечего. Но даже и в середине XX века, когда бросала наконец-то устроившуюся жизнь (и мужа, и его детей, и все остальное) придуманная Трумэном Капоте Лула Мей Барнс, поселившаяся в Нью-Йорке под именем Холли Голайтли и воплощенная Одри Хэпберн. Или когда оставляла мужа и детей героиня романа Майкла Канингема «Часы», сыгранная в экранизации

И мы в общем-то согласны. Быть начальницей — это cool. Есть в этом много сексуального, даже садомазо (хотя вообще-то только садо). Классические романы, которые почти все написаны мужчинами, чаще всего описывали карьерных женщин карикатурно, что не то чтобы благородно, если иметь в виду, что настоящая работа, не говоря о карьере, тогда для женщины и так была практически недостижимой. Но все равно Диккенс придумал карикатурную миссис Джеллиби, а Чехов с постоянным и отчетливым пренебрежением описывал женщин, которые могут хотя бы помыслить о том, чтобы работать, сделав исключение разве что для героини позднего рассказа «Невеста». Через 25 лет после того,

тье снова играть затмило для актрисы все — старость, измену любовника, только что совершенное убийство. Такая упоенность творчеством почему-то свойственна женщинам куда больше, чем мужчинам. Забыться в искусстве, забыться искусством (или не совсем искусством; например, писать женские романы, как героиня «Цветка моей тайны» Альмодовара). Оставить все и слиться с прекрасным — «стать песней и судьбой». Из этого ахматовского стихотворения, кстати, получается, что стала-то именно потому, что «он» в свое время «не взял с собой». Сказавши «а», надо сказать «ц» — и вспомнить Цветаеву, вопрошающую бывшего любовника, осмелившегося вступить

«Возвращение», 2006

«Дурная слава», 1946

«Бульвар Сансет», 1950

«Телесеть», 1976

«Цветок моей тайны», 1995

«Цветок моей тайны», 1995

«Основной инстинкт», 2002

Стивена Далдри Джулианной Мур, — даже тогда это было необыкновенно смело. Сейчас — в реальной жизни, — чтобы бросить все, никакой социальной смелости не надо. Только эмоциональная. Да и сама процедура бросания всего стала комфортной и сдобренной нотариальными подробностями. Возможно, потому этот вид счастья как-то потускнел.

5. Счастье быть с подругой

Очень особая вещь и хоть и обладающая лесбийским привкусом, отнюдь не дублирующая лесбийский роман. Подруга круче любовницы. Слюбовью все ясно, а дружеские, вернее, подружеские отношения — они тоньше и сложнее. То, что происходит между близкими подругами — это, конечно, страсть. Просто другой и, возможно, даже более возвышенный ее вид. И если в старых романах пылкая женская дружба рассматривалась как предвестник другой пылкости, а хорошие подруги вообще-то должны были помогать друг другу обрести мужа (диккенсовская Эстер Саммерсон сама направляет свою любимую Аду в объятия Ричарда), то теперь отдельность, особость девчачьих отношений разбирается с особой пристальностью. Получается иногда средне, как в романе Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры» и снятом по нему фильме. А иногда — сногшибательно. Как в «Тельме и Луизе» Ридли Скотта — кинокартине, ставшей каноническим изображением женской дружбы, которая сильнее смерти.

6. Счастье в работе

В конце культовой развесистой клюквы 1980-х — фильма Майка Николса «Работающая девушка» — мы видим Мелани Гриффит в строгом сером костюме за офисным столом. Камера выезжает на улицу, и мы понимаем, где находится этот стол — на верхнем этаже небоскреба, там, где кабинеты начальства. Хепши, хепши, хепши-энд.

как чеховская «невеста» покинула жениха и материнский дом, героиня «Манхэттена» Джона Дос Пассоса занималась карьерой больше, чем любовью, и в конце повествования оказывалась главной редакторшей умного женского журнала. Кстати, журналистика любого рода с тех пор предлагается нам чуть ли не как главное поле подлинной женской карьеры. Вроде бы это настоящая работа, и тут можно по-настоящему преуспеть, а по ходу проявить себя, как свойственно женщине, стервой. Так что воплощающая жесткий мир гламура героиня Мерил Стрип из «Дьявол носит Prada» и воплощающая жесткий мир телевидения героиня Фей Данауэй из фильма Сидни Люмета «Телесеть» — практически сестры. Разница только в том, что фильм Люмета гораздо лучше.

7. Счастье добиться власти

Над людьми, над деньгами, над мужчинами. Вместе и по отдельности. Леди Макбет, Екатерина Великая, Скарлет О'Хара, мадам де Помпадур, Цы Си — наложница, ставшая единовластной императрицей Поднебесной, Шарон Стоун в первом «Основном инстинкте», Медея, Нелл Гвин, Эвита Перон, королева Елизавета I, Саломея, герцогиня Сен-Северина, Кондолиза Райс, Клеопатра в пушкинских «Египетских ночах», М из фильмов о Джеймсе Бонде, телеведущая и предпринимательница Марта Стюарт, Мата Хари и еще Вера Марецкая в кинофильме «Член правительства» и Любовь Орлова в кинофильме «Светлый путь»...

8. Счастье в искусстве

Один из лучших кадров, когда-либо запечатленных на пленку: безумная Норма Десмонд (Глория Свенсон) из «Бульвара Сансет», спускающаяся по длинной лестнице в объятия полицейских с наручниками, она думает, что снимается главная сцена в ее новом фильме. Счас-

те в брак: «Как живется вам с трухой?» Произнеси она это, скажем, на кухне — была бы безобразная истерика, а так — замечательные стихи. И такой же женской истерикой были бы яркие картины Фриды Кало, если бы все то, что там нарисовано, она на словах излагала бабнику Диего Ривере.

Тут вот что важно — стихи и картины для всех этих женщин куда важнее любовников.

9. Счастье в самопожертвовании

В этом есть особая сладость — в том, чтобы принести себя в жертву. Любимому мужчине — как Ингрид Бергман, выходящая замуж за омерзительного фашиста ради рабочих успехов церезушника Кэрри Гранта в хичкоковской «Дурной славе». Любимой сестре — как Элинора в «Разуме и чувстве» Джейн Остин или Татьяна Доронина в кинофильме «Старшая сестра». Или всему человечеству — как пытается сделать Николь Кидман в «Догвилле» Ларса фон Триера. Самопожертвование Кидман приводит к человеческим жертвам. Но это не важно — счастье в этом случае приносит не результат, а процесс.

10. Счастье в несчастье

Горем можно упиваться. Оставленность можно превратить в смысл жизни — как виконтесса де Босеан из «Покинутой женщины» Бальзака. Из надругательств любовника можно устроить особый аттракцион, прелесть которого понятна только тебе, — как бросившая себя под ноги Байрону Каролина Лэм. И настоящая, и сыгранная Сарой Майлз в знаменитом фильме, особенно популярном в свое время в Советском Союзе. Интенсивная несчастье вообще великая сила — переживая ее, неизбежно чувствуешь, что с тобой происходит что-то важное. Что ты — необыкновенная, ни на кого не похожая, а такие ощущения во многом и составляют женское счастье.